

Василий Аксенов

Японские заметки

*Часть сборника
Логово Льва. Забытые рассказы*

Василий Павлович Аксенов

Японские заметки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958982

Логово льва: забытые рассказы / Василий Аксенов.: АСТ, Астрель;

Москва; 2010

ISBN 978-5-17-060737-2, 978-5-271-24444-5

Аннотация

«Когда сейчас при взгляде на карту мира среди крутобоких материков я вижу тоненькую цепочку японских островов, мне даже не верится, что именно на этих ярко окрашенных камешках я провел три удивительные недели, что именно на них я встретил такое множество разных людей, что японская земля в течение трех недель замыкала мой горизонт...»

Содержание

Случайных совпадений не бывает	4
Японские заметки	7
Гора	7
Явление тысячерукой	11
Боги, храмы, гадания	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Василий Павлович Аксенов

Японские заметки

Издательство благодарит за помощь
сотрудников архива «Литературной газеты»

Случайных совпадений не бывает

Свидетельствую: зрелый Аксенов, свирепо именовавший даже своих знаменитых «Коллег» (1960) и «Звездный билет» (1962) «детским садом», очень не любил, когда ему напоминали о его *первой* публикации 1958 года, сильно кривился, имея на это полное право, но отнюдь не обязанность.

Потому что без этих ранних, наивных «Асфальтовых дорог» и «Дорогой Веры Ивановны» знаменитый Василий Аксенов, из джинсового пиджака которого, как из гоголевской «Шинели», вышла вся новая русская проза, – далеко «не полный».

Нужно было звериное писательское чутье тогдашнего редактора суперпопулярного журнала «Юность» Валентина Катаева, чтобы разглядеть в экзерсисах безвестного выпускника Ленинградского мединститута нечто стоящее, неуловимо отличающееся от расхожей «оттепельной» комсомольско-молодежной лабуды про парткомычей «с человеческим

лицом» и честных советских ребят, которые верны «заветам отцов», хоть и любят американский джаз. Говорили, что мэтра восхитила фраза молодого автора «стоячая вода канала похожа на запыленную крышку рояля». Такого он давненько не слышал и не читал. Здесь же и «пепельница, утыканная окурками, похожая на взбесившегося ежа», и «темные углы военкомата», и «официант с каменным лицом жонглера».

Раннего Катаева, будущего Героя Социалистического Труда, награжденного двумя орденами Ленина, углядел автор «Окаянных дней» Иван Бунин, будущего «отщепенца и антисоветчика» Аксенова – Катаев. Круг замкнулся. Всем всё зачтется.

Первые рассказы этого сборника – наглядная иллюстрация того, как «Вася из Казани», обладающий природным даром и горькими знаниями о жизни, на какое-то время *пытался заставить* себя поверить в искренность заведомых коммунистических лжецов, утверждавших, что к прошлому нет возврата. Он, сын репрессированных родителей, получивших нечеловеческие сроки советских лагерей, пытался *честно* вписаться в систему, но быстро понял, что это, увы, невозможно. И, самое главное, не нужно, *неправильно*. Что с этими красными чертями нельзя, не получится договориться *по-хорошему*. И нужно для начала удалиться от них в другие, недоступные им сферы. Ну, например, туда, «где растут рододендроны, где играют патефоны и улыбки на устах». Или на теплоход, идущий под радиомузыку из «Оперы ни-

щих» по сонной северной реке. Там чудеса, там героические летчики в «длинных синих трусах» неловко прыгают в воду, плавают не стильно, а «по-собачьи», глупо острят, но все же обладают неким таинственным знанием о законах «катапульти», которое пока что недоступно двум спортивным столичным пижонам...

А эти пижоны станут лет эдак через десять отчаявшимися, спившимися героями аксеновского шедевра, первого его свободного от власти и цензуры романа «Ожог», который он начал писать в стол сразу же после «чехословацких событий» 1968 года. «Перемена образа жизни» аукнется в «Острове Крыме». Рассказ «О похожести» – в «Новом сладостном стиле» и «Кесаревом свечении». Аргентинский скотопромышленник Сиракузерс обернется персонажем народного гиньоля под названием «Затоваренная бочкотара».

Процесс пошел, процесс идет. Случайных совпадений в жизни не бывает. 20 августа 1937 года, ровно в тот день, когда ему исполнилось пять лет, Василий Аксенов, будущий кумир многих поколений российских читателей был свезен в дом для детей «врагов народа». Всхлипывая, он впервые заснул на казенной кровати, прижав к мокрой щеке любимую игрушку, тряпичного львенка. Эта книга называется «Логово льва».

Евгений Попов Июнь 2009

Японские заметки

Гора

Когда сейчас при взгляде на карту мира среди крутобоких материков я вижу тоненькую цепочку японских островов, мне даже не верится, что именно на этих ярко окрашенных камешках я провел три удивительные недели, что именно на них я встретил такое множество разных людей, что японская земля в течение трех недель замыкала мой горизонт.

Почему-то хочется начать этот сумбурный рассказ с описания Горы.

Мы много болтали о ней на обратном пути из Хиросимы в Токио. Неизменно все наши разговоры в конечном счете сводились к одному: увидим ли мы Гору? Она уже навязла в зубах, и шутки по ее адресу уже становились банальными. Последний взрыв остроумия возник тогда, когда администрация экспресса «Утренний ветерок» нижайше извинилась перед пассажирами за то, что из-за густой облачности им не удастся увидеть Гору.

Тут мы пошутили немного и подумали: «Ну, хватит!»

Однако мы продолжали вяло чесать языки и тогда, когда на такси поднимались из приморского курорта Атами в горный курорт Хаконе.

Желтое солнце плавало в легких неподвижных тучах, и шофер наш огорчился, и Хара огорчился, что из-за этих странных пустяковых туманностей мы не видим Гору. В конце концов была высказана надежда, что, может быть, завтра у нас это получится.

Честно говоря, я уже и не особенно хотел увидеть ее завтра. Столько было ожидания и столько было брошено на ветер слов, что я боялся разочарования. Ну, гора есть гора, а эта уж не так и высока ведь. Может быть, лучше, если она по-прежнему будет скрываться за этим таинственным желтым свечением, таинственная, недостижимая для глаз чужеземцев Гора?

Отель, в котором мы поселились в Хаконе, был огромен и пуст: зима была, не сезон. Только три старые английские дамы встретились нам утром. Печаль какая-то была в этом отеле, а в холле внизу под фотографией маститого попугая висело объявление: «Мы с прискорбием сообщаем о кончине нашего старого попугая Бимбо, которого многие наши гости хорошо знали и любили. Мы благодарим вас за привязанность к этому существу. Менеджер».

Присоединившись к скорби администрации, мы с Харой отправились играть в пинг-понг. Везде было пусто: и в баре, и в бассейне, и в спортзале. Шаги наши гулко стучали в высоких пустых коридорах. Я вообразил себе одинокую и печальную жизнь миллионера, и мне захотелось в Москву, в свою двухкомнатную квартиру или в компанию друзей, в

галдящую толпу вокруг кофеварочной машины.

– Такуя, ты хотел бы один владеть этим шикарным домом? – спросил я Хару.

– Ага, – сказал он, но это не значило, что он хотел бы им владеть. Это означало, что он воспринял мой вопрос, зафиксировал его и сейчас готовит ответ.

Друг мой Такуя Хара блестяще владеет русским литературным языком, но разговорная речь для него пока несколько сложна, и ему требуется несколько секунд для ответа.

– Нет, пожалуйста, не хотел бы, – ответил он. Ну, поиграли мы с ним в пинг-понг, потом выпили немного в баре, посмотрели в телевизоре ковбоев и отправились спать.

Утром всем было очень весело. Вальдемар Кристапович сильно шутил, Ирина Львовна тоже сильно шутила, я тоже сильно шутил, и очень сильно шутил Хара. Вообще мы как-то нарушали чинную тишину завтрака и, может быть, даже несколько шокировали пожилых леди. Шутили мы по поводу густой облачности, по поводу молочносерого неба.

Мы уже забыли про эту Гору, поднимаясь ввысь в вагончике канатной дороги и наблюдая другие, более доступные горы, покрытые хвойным лесом, и наблюдая домики внизу, и переваливая один перевал за другим, и остря по поводу прочности канатов, и болтая, болтая, болтая, радуясь долгожданному отдыху, венчавшему нашу поездку по Японии, когда Хара вдруг толкнул меня в бок и вскричал:

– Фудзи!

Я обернулся – и даже «ах!» застряло у меня в глотке.

Она была видна вся и занимала полнеба. Она была белая и большая среди зеленых и небольших. Наша желтая букашка, подвешенная в пропасти, ползла мимо нее. Это было совершенно невероятно – то, что она открылась нам вдруг вся и так просто! Лица наши осветились ее белым сиянием, а кроткое обычно лицо Хары стало торжественным.

Что-то было в этой Горе не передаваемое словами. Что-то было в этих минутах важное и сокровенное. Это была сильная и простая Японская Гора. Симметрия ее и тройная ее вершина гармонизировали всю округу, а может быть, и всю эту страну. Это было то, что для нас, русских, составляет Волга. Молча и медленно мы проехали мимо Фудзи в нашем смешном вагончике, с орехами в кармане и с «Торрис-виски».

Второй раз мы увидели Фудзияму, когда уже отправлялись домой и стартовали из аэропорта Ханеда на Гонконг. Это было ранним утром. «Боинг» пропорол облака, Япония скрылась, и только снежная, розовая от вставшего солнца Фудзи, возвышаясь над облаками, долго провожала нас. Долго виднелась, чтобы мы получше ее запомнили.

Явление тысячерукой

Когда поезд, постукивая, покачиваясь и виляя, выбирается из каменных джунглей Токио, иностранный пассажир прилипает к окну, желая увидеть сельский японский пейзаж, какие-нибудь домики, какие-нибудь рисовые поля под луной, перевернутые лодки, то есть хочется немного идиллии. Огней становится все меньше, меньше, меньше, потом побольше, еще больше, больше и снова через десять минут кажется, что ты и не выезжал из Токио.

Я вспомнил обширные пространства моей родины и полную, непроглядную темноту за стеклом, когда ты ночью покуриваешь в тамбуре. Здесь на всем пути от Токио до Хиросимы только дважды за окном наступала полная темнота, и оба раза это был тоннель.

Светящиеся иероглифы и латинские буквы трепетали всю ночь внутри нашего спального вагона. Соусы «Мицу-ва», бурильные машины «Микаса», шоколадные конфеты «Гончаров», бензин «Эссо»... «Санья!», «Сони!», «Аполло!», «Сантори!», «Мариман!...»...!!!

Но вот из ночи, поднимаясь над горизонтом, выплыла гигантская, подсвеченная прожекторами богиня Каннон. Тысячерукая Каннон – одно из воплощений Будды. Высеченная из камня, она возвышалась в этой сумасшедшей ночи над всем мельтешением реклам, как гора, как Фудзи. Светящая-

ся гора с древней непонятной улыбкой.

А у ее подножия мертвенно отсвечивало под луной скопление яйцеобразных газгольдеров.

Боги, храмы, гадания

Мы в буддийском храме в районе Асакуса, в Токио. Алтарь Будды от толпы молящихся отделяет четырехугольная яма, взятая в крупную решетку. Туда бросают монеты. В храме довольно шумно: люди входят, выходят, не болтают, конечно, между собой, но сморкаются, кашляют. Призывая внимание бога, похлопывают в ладоши. Через головы летят монеты, звякают о решетку. Словом, довольно деловая обстановка. Ничего похожего на воскресные мессы в католических соборах или на православное богослужение.

Древние храмы отданы туристам. Вот храм Дайбутсу в священном городе Нара. Мы приближаемся к нему по священному парку, а за нами бегут ласковые, но несколько начальственные олени, выпрашивают печенье. Тычется теплым влажным носом священный олень тебе в ладони, а сзади тебе под зад поддает другой олень: обрати, мол, и на меня внимание.

В билете указаны габариты гигантского Будды, скрытого под крышей храма. Высота тела – 16,21 м, окружность лица – 4,84 м, окружность глаз – 1,18 м, длина носа – 0,48 м. Будда этот очень велик, несколько мрачен и суров. Конечно, снимать его запрещается, но вокруг трещат кинокамеры – японцы, американцы и прочие туристы усердно выполняют свои туристские обязанности. Я тоже, не будь дураком, на-

вожу свой «Кварц» на Будду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.